

ВСЕ ЕГО ИМУЩЕСТВО — «ДЖАН»...

«...Секретарь комитета сказал Чагатаеву, что где-то в районе Сары-Камыша, Усть-Урта и дельты Аму-Дарьи блуждает и бедствует небольшой кочевой народ...»

— Я знаю этот народ, я там родился, — сказал Чагатаев.

— Поэтому тебя и посылают туда, — объяснил секретарь. — Как называется этот народ, ты не помнишь?

— Он не назывался, — ответил Чагатаев. — Но сам себе он дал маленькое имя.

— Какое его имя?

— Джан...».

По туркменскому народному поверью джан — это душа, которая ищет счастье... Менее двух лет существует в Ашхабаде Экспериментальный молодежный театр-студия. Но уже первая его работа — спектакль по повести Андрея Платонова «Джан» стала заметным явлением в театральной жизни республики. Обратившись к Платонову, художественный руководитель театра, режиссер Какаджан Аширов совершил, на мой взгляд, не только смелый, но и, пожалуй, providческий поступок. Когда началась работа над спектаклем, мы еще не знали трагедии Сумгаита, мы и в самом страшном сне не представляли себе, что произойдет в Ферганской долине. Мы не предполагали еще, что в лексикон войдут презрительные слова типа «мигрант», «оккупант» — и это по адресу своих же соотечественников. Эпическая притча Платонова вызывает к чувству изначального родства всех людей — человек! — независимо от вторичного: цвета кожи, рода-племени, происхождения. В народе джан — люди разных национальностей, и Назар Чагатаев выполняет героическую миссию, спасая свой народ от гибели души, гибели джана. Спасение души народной — спасение самого народа. Об этом — платоновская повесть. Об этом — спектакль «Джан»...

Нет, думается, нужды останавливаться на художественных достоинствах этой программной вещи молодых ашхабадских студийцев. У спектакля была хорошая пресса. Его достаточно высоко оценили

маститые московские критики. А на закрытии регионального фестиваля театров во Фрунзе при вручении Какаджану Аширову награды за лучшую режиссуру и сценографию Марк Захаров сказал о нем просто: «Вот идет режиссер!». Кроме того, «Джан» был признан лучшим спектаклем на республиканском театральном фестивале «Элемгошар» («Радуга»), по приглашению Театра Дружбы народов выступил в Москве.

Итак, успех, признание... Отчего же в таком мрачном расположении духа Какаджан Аширов и руководимый им коллектив? В одной из недавних наших бесед Аширов с горечью обронил: «Боюсь, разбегутся мои... Да и у самого руки опускаются...»

В это не хочется верить. В планах театра-студии — осуществление постановки по мотивам туркменского народного эпоса «Коркут — ата» (между прочим, возвращенного народу совсем недавно, спустя сорок лет после запрета на эту книгу, якобы вредную в идейном отношении). Подходит к концу работа над спек-

таклем по пьесе А. Володина «Ящерица»... И что же — вдруг все оборвать, разбежаться?

Нужно хотя бы элементарное: крыша над головой. Ведь театр, столь уверенно заявивший о себе, и по сей день не имеет помещения. Никакого. Даже самого захудалого. Несмотря на то, что на пленуме СТД республики студийцев торжественно заверили: здание будет найдено через месяц-другой. Прошло почти два года. Увы...

Театр начинается с вешалки. Ну что ж, у ашхабадских студийцев пока только вешалка и есть — вешалка, которой они пользуются в помещении Туркменского государственного драматического театра имени Молланепеса, где студийцам предоставляют один день в неделю (небезвозмездно) место для репетиций и спектаклей.

Видимо, понимая ненормальность ситуации, сложившейся с театром-студией, министр культуры Туркменской ССР Ашыр Мамилев распорядился выделить студийцам помещение кинотеатра «Яшлык», и постановление Совета Министров

республики на сей счет вроде бы имеется. Но нельзя и не понять законного возмущения так или иначе пострадавших жителей микрорайонов, где расположен этот кинотеатр...

— Да, — признает министр. — Это не самое лучшее решение. Но я другого выхода не вижу. — Выход? Простите, какой же это выход? Это скорее вход в новую проблему!

А Какаджану Аширову и в самом деле порой кажется, что ему, его коллективу нарочито чинят препятствия. Вот помещение не дают. И одного из ведущих актеров в другой коллектив якобы переманивают. Аширов обижается и на Союз театральных деятелей республики — не помогают. СТД благодаря авторитету своего председателя народной артистки СССР Маягозель Аймедовой быстро стал влиятельной силой среди творческих коллективов республики. Размах деятельности взят большой. И я уверен: займись СТД всерьез решением вопроса о помещении для театра-студии, проблема была бы решена. Кое-кто поговаривает, что

ничего, мол, Аширову советовать на судьбу. Дескать, слишком капризен. Не знаю, насколько правомерны эти упреки. Знаю только, что спектакль, поставленный бездомным коллективом, пока не испытывает серьезной конкуренции со стороны работ своих старших собратьев.

— «...Какое его имя?

— Джан. Это означает душа... У народа ничего не было, кроме души...

Секретарь нахмурился и сделался опечаленным.

Значит, все его имущество — одно сердце в груди, и то, юг-да оно бьется...

Одно сердце, — согласился Чагатаев, — одна только жизнь; за ираем тела ничего ему не принадлежит...»

Вот так же в поисках своего угла «блуждает и бедствует небольшой кочевой народ» — актеры первого в республике экспериментального театра-студии. Все его имущество — «джан»...

М. МЕЛЕШЕНКО.
(Наш соб. корр.)

АШХАБАД.

● Сцена из спектакля.

Фото В. Баженова.

